

АНТРОПОДИЦЕЯ И ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС СУБЪЕКТА В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА XXI ВЕКА

Аринова О. Т.

ассоциированный профессор кафедры философии и теории культуры, кандидат философских наук
Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А. Букетова,
Караганда, Казахстан
e-mail: arinova.kargu@gmail.com

Современная философия смещает исследовательский фокус с метафизических оснований человека на анализ структур дискурса, в которых формируются нормы, ценности и идентичности. Таким образом, антропология XXI века приобретает характер критического исследования тех языковых и символических практик, которые определяют границы возможного понимания человека. В этом фокусе рассмотрения, уникальный труд профессора Колумбаева Б.Е. «Антроподицея» занимает своё, особое место, поскольку его основной тезис «Для философии устанавливается не человек в человечестве, а человечество в человеке» [1] должен приниматься актуальным вкладом в современный философский дискурс субъекта, стремящийся совместить историчность, уязвимость и онтологическую глубину человеческого бытия.

Философия второй половины XX века - от структурализма до постструктурализма - подвергла классического субъекта радикальной критике. В работах Мишеля Фуко субъект трактуется как эффект дискурсивных практик и отношений власти, у Дерриды - деконструируется как центр присутствия, а у Делёза - растворяется в процессах становления и множественности. В результате субъект утрачивает статус автономного и самоотждествленного основания. Он оказывается производным от языка, структуры, идеологии, желания и т.д. Это и есть «кризис субъекта», который определил интеллектуальный климат конца XX века.

Очевиден тот факт, что антропология в XXI веке сталкивается с новыми вызовами в лице цифровизации, глобализации и трансформации коммуникативных практик. В этих условиях дискурс становится не просто инструментом описания реальности, но способом конституирования человеческого бытия. Философия XXI века в целом и характеризуется так называемым «антропологическим поворотом», проявляющимся в следующих тенденциях:

- анализ человеческой идентичности в условиях цифровизации;
- переосмысление границ человека в эпоху биотехнологий и постгуманизма;
- исследование телесности, аффективности и уязвимости;
- критика универсалистских моделей субъекта.

Антропология перестаёт быть замкнутой системой понятий и превращается в открытое поле междисциплинарного взаимодействия. В неё включаются данные когнитивных наук, социологии, культурологии и медиаисследований. Тем самым антропология приобретает характер динамического проекта, ориентированного не столько на поиск окончательных определений, сколько на анализ процессов формирования «человеческого в человеке».

В этом контексте антроподицея Колумбаева может быть интерпретирована как попытка сохранить нормативное измерение антропологии. Если постгуманистические концепции (например, у Розы Брайдотти [2]) деконструируют гуманистическую фигуру человека, то Б.Е. Колумбаев защищает идею духовной ответственности как основания человеческого достоинства.

Проблема человека традиционно занимает центральное место в философском знании. Отметим, что антропология как философская дисциплина и формировалась именно в пространстве поиска ответа на вопрос о сущности человека, его природе, свободе и историческом предназначении. Однако XXI век радикально трансформирует условия постановки этих вопросов. Цифровизация, глобализация, биотехнологические инновации и изменение коммуникативных структур приводят к смещению исследовательского фокуса: философия всё чаще обращается не к «сущности» человека как устойчивой данности, а к анализу дискурсивных механизмов, в которых конституируется субъект.

Актуальным становится рассмотрение антропологии через призму дискурса как особой формы организации знания. В связи с этим, приоритетной целью становится стремление проанализировать, каким образом философия XXI века переосмысляет антропологическую проблематику в контексте дискурсивных практик и каким образом это влияет на понимание человеческой идентичности.

Однако Колумбаев Б.Е. не ограничивается описанием дискурсов, он вводит аксиологический критерий - идею добра как нормативного ориентира. В отличие от релятивистских позиций, где ценности рассматриваются как исторически обусловленные конструкции, Колумбаев защищает возможность универсального

нравственного основания. Это сближает его с коммуникативной этикой Хабермаса [3], но придаёт ей более онтологический характер. Антроподицея тем самым соединяет три уровня анализа: онтологический (свобода как основание бытия человека), исторический (кризис модерна) и аксиологический (ответственность и достоинство).

Антроподицея Колумбаева - это попытка философски реабилитировать человека в эпоху его деконструкции. Именно данная философская работа развивает персоналистическую модель субъекта, основанную на свободе, ответственности и духовном достоинстве. Думается, что в контексте философии XXI века «Антроподицея» Б.Е. Колумбаева может быть прочитана и как нормативный ответ на постструктуралистскую критику субъекта, и как критика технооптимистических и постгуманистических сценариев, и как попытка восстановить метафизическую глубину антропологического дискурса. Тем самым антроподицея вступает в содержательный диалог с современными теориями субъекта, предлагая альтернативную модель понимания человека - как свободного и трагического, но способного к нравственному самопреодолению человеческого существа.

Философская антропология в классическом смысле всегда стремилась выявить универсальные основания человеческого существования. Человек рассматривался как разумное, моральное, социальное и историческое существо. Однако уже в XX столетии возникает критика эссенциалистских моделей. Антропология перестаёт быть исключительно учением о «природе» человека и становится исследованием условий его становления.

В XXI веке роль дискурса усиливается в связи с цифровыми технологиями. Социальные сети, алгоритмические системы отбора информации, медиапространство создают новые формы репрезентации и самоидентификации. Философия фиксирует, что субъект всё в большей степени определяется через участие в коммуникационных потоках. Идентичность становится результатом включённости в разнообразные дискурсивные поля - политические, культурные, технологические. Таким образом, антропология XXI века обращается к анализу не только биологических или психологических характеристик человека, но и тех символических структур, которые формируют его самописание. Человек предстаёт как «эффект дискурса», как узел пересечения множества смысловых практик.

Современная философия фиксирует этот переход от субстанциальной модели человека к процессуальной. Если классическая антропология исходила из идеи устойчивой человеческой природы, то философия XXI века подчеркивает контекстуальность и историчность субъекта. Человеческое существование понимается как открытый проект, формируемый в пространстве культурных и технологических изменений. Особую роль в этом процессе играет медиатизация. Дискурс цифровой культуры изменяет способы самопрезентации, коммуникации и коллективной идентификации. Антропология сталкивается с феноменами виртуального «я», гибридных форм субъектности, расширения телесности через технологии. В этих условиях философия должна пересмотреть традиционные категории автономии, свободы и ответственности. Кроме того, XXI век актуализирует вопрос о границах человеческого. Развитие искусственного интеллекта и биоинженерии ставит под сомнение прежние антропологические различия между природным и искусственным, человеческим и техническим. Дискурс постгуманизма предлагает рассматривать человека как элемент более широкой сети взаимодействий, где он не занимает привилегированного положения. Это требует от философии новой антропологической рефлексии, способной учитывать множественность форм существования.

При этом усиление дискурсивного подхода не устраняет нормативного измерения философии. Антропология сохраняет критическую функцию, анализируя доминирующие дискурсы и выявляя их влияние на формирование субъективности. Исследование дискурса становится инструментом раскрытия механизмов власти и идеологического воздействия.

Современная философия стремится соединить аналитический и нормативный подходы. С одной стороны, она исследует условия производства знания о человеке; с другой - ставит вопрос о возможности сохранения человеческого достоинства в условиях технологических трансформаций. Таким образом, антропология в XXI веке приобретает статус рефлексивной дисциплины, осознающей собственную включённость в дискурсивные процессы.

В XXI веке философия переосмысливает антропологическую проблематику через категорию дискурса. Человек перестаёт пониматься как фиксированная сущность и рассматривается как результат сложных символических и коммуникативных практик. Антропология превращается в междисциплинарное пространство анализа, где исследуются процессы формирования идентичности в условиях цифровой и культурной динамики.

Кроме того, современный дискурс активно разрабатывает проблему уязвимости (Дж. Батлер) и биополитики (Фуко) [4]. В этих теориях человек предстает как объект управления и власти. Антроподицея дополняет этот анализ, возвращая субъекту активное начало: человек не только объект, но и моральный агент, актер. Таким образом, «Антроподицея» Б.Е. Колумбаева может быть понята как критика редукционизма, социологического и технологического. Ибо в ней утверждается, что без признания внутреннего духовного измерения антропология утрачивает нормативную перспективу.

Современная философия стремится объединить аналитическую и нормативную перспективы: она исследует условия производства знания о человеке и одновременно ставит вопрос о сохранении человеческого достоинства в эпоху технологических изменений. В результате антропология XXI века выступает как рефлексивная дисциплина, осознающая собственную вовлечённость в дискурсивные процессы.

Таким образом, в XXI веке антропологическая проблематика переосмысливается через категорию дискурса. Человек перестаёт пониматься как фиксированная сущность и рассматривается как результат сложных символических и коммуникативных практик. Антропология становится междисциплинарным пространством анализа процессов формирования идентичности в условиях цифровой и культурной динамики. Дискурс при этом выступает не только средством описания, но и механизмом конституирования субъекта, что сохраняет актуальность философской рефлексии о человеке в мире стремительных преобразований.

Тем самым антропологический поворот не возвращает классический гуманизм, а проблематизирует человека как «пограничное существо» - биологическое, технологическое, культурное. На этом фоне антроподицея предлагает альтернативный вектор и в книге Б.Е. Колумбаева «Антроподицея» субъект не редуцируется к дискурсивному эффекту или биополитическому объекту. Он сохраняет статус носителя свободы и ответственности. Ключевой тезис здесь: оправдание человека возможно только при признании его онтологической свободы. Свобода понимается не как социальная привилегия, а как внутренняя структура бытия личности. В этом аспекте Колумбаев продолжает линию персонализма, для которого свобода предшествует бытию и рациональности.

Важно отметить, что в современной философской антропологии XXI века вопросы положения человека в мире подвергаются критике не только с позиций классической теодицеи, но и с точки зрения конструкции реальности, субъекта и смысла. В этом контексте идеи Жана Бодрийера, особенно его концепции симулякров, симуляции и гиперреальности - могут и должны быть рассмотрены в качестве постструктуралистской антроподицеи, в которой исчезает традиционный человек-субъект, а вместе с ним и классические основания объяснения человеческого бытия [5].

Такой вывод кардинально меняет традиционную антропологию: человек перестаёт быть автором смысла и центром онтологии, а становится существом, вовлечённым в бесконечную игру знаков, где субъективность определяется не внутренней сущностью, а внешними структурами симуляции. Это близко к тому, что можно назвать антроподицей без Бога и сознательного субъекта, где человеческая автономия распадается на эффекты культуры и медиа.

Интересным представляется решение, предложенное антроподицей: поскольку постгуманистический дискурс стремится преодолеть «антропоцентризм» и рассматривает человека как элемент сложных сетей (биологических, технических, экологических), постольку только человек остаётся носителем нравственного измерения, даже если его онтологический статус усложняется технологически. Тем самым она задаёт границы радикальному постгуманизму: трансформация человека не отменяет его ответственности. Если под антроподицей понимать попытку обосновать положение человека в мире в условиях убедительного объяснения существования зла, страдания и конфликтов (по аналогии с теодицеей), то Бодрийер аргументирует, что постмодерн вскрыл глубинную «генетическую пустоту» традиционных оснований. В мире, где символы и образы определяют поведение значительно более, чем физическая реальность, объяснение человеческого бытия должно учитывать, как технологическая и медийная структура создаёт субъективность, мораль, опыт и ценности, зачастую в отрыве от какой бы то ни было объективной реальности.

Сопоставляя две уникальные антропологические позиции, рассмотренные выше, применительно к антроподицеи, отмечаем, что у Бодрийера гиперреальность порождает ситуацию, где зло и ответственность размываются: медиа-поле превращает события в симуляции, а действия - в эффекты системы. Тогда как антроподицея Колумбаева может быть истолкована как философская реакция на симулятивную среду, как попытка вернуть человеку статус источника смысла, а не только эффекта кода.

Связывая антропологический поворот с дискурсом субъекта, можно сделать вывод: антроподицея представляет собой философскую стратегию восстановления субъекта после его деконструкции. И в условиях XXI века, где субъект оказывается распределённым, цифровизированным и биотехнологически модифицируемым, антроподицея предлагает нормативный ориентир: человек оправдывается не через власть или знание, а через принятие трагической свободы и готовность отвечать за последствия своих действий.

Список литературы

1. Колумбаев Б.Е. Антроподицея. Монография в 2-х частях/Б.Е. Колумбаев. – Караганда.: - М.: Издательство Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова. – 2025. – 504 с.
2. Брайдотти Р. Постчеловек. - М.: Изд. дом ВШЭ. – 2021 – 290 с.
3. Хабермас Ю. Философский дискурс модерна. - М.: Антология мировой классики. – 2023 – 310 с.
4. Фуко М. Археология знания. – М.: Изд-во МГУ. – 2023 – 288 с.
5. Бодрийер Ж. Симулякры и симуляция. - М.: Постум. – 2025 – 326 с.